
СТЕЛЫ АРМЕНИИ И ГРУЗИИ. К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ В РАННЕХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОД

АКОПЯН З. А.

Христианское искусство двух соседних стран – Армении и Грузии – имело много общих черт культурного развития, особенно в раннехристианский период (до арабских завоеваний). Самое общее знакомство с раннехристианскими памятниками этих стран поражает близостью архитектурных типов, порой идентичностью художественных решений. То же самое можно сказать и о других видах искусства, особенно о каменной пластике. Этапы развития раннехристианской скульптуры на территории Армении и Грузии, а также стилистика и символика рельефных изображений выявляют необычайное сходство. Еще академик Н. Я. Марр указывал на необходимость параллельного изучения армянской и грузинской культур¹.

На территории исторической Армении, а также Грузии сохранилась группа свободно стоящих памятников – четырехгранных каменных стел с рельефными изображениями. Интересно, что данные памятники имели распространение в конкретных районах и датируются ранним периодом, в основном VI-VII вв. Стелы близки по характеру композиционного решения, по стилистике рельефов, а также по ряду сюжетных и символических изображений. В раннехристианский период каменные стелы известны также в коптском Египте и Сирии, однако последние заметно отличаются от закавказских, тем самым еще больше подчеркивая общность армянских и грузинских памятников².

Первым ученым, всерьез обратившим внимание на проблему общности грузинских и группы армянских стел, явилась французская исследовательница Николь Тьерри. В своей статье, по-

¹ Марр Н. Я., *Ани, М.-Л., 1934, с. 37-38.*

² Отметим, что происхождение ирландских каменных крестов с рельефными изображениями связывают с христианским Востоком, а по многим чертам и с аналогичными памятниками Закавказья. См: Ричардсон Х., *Общие тенденции в ирландском и армянском монументальном искусстве (IV международный симпозиум по армянскому искусству, Е., 1985, с. 228-230); Richardson H., Observations on Christian Art in Early Ireland, Georgia and Armenia (Ireland and Insular Art A.D. 500-1200. Proceedings of a conference at University College Cork, Dublin, 1987, там же библиография по этому вопросу).*

священной Гогаранской школе скульптуры³, автор попыталась на основе описаний, сопоставлений и сравнительного анализа грузинских и армянских стел из исторического Гугарка дать представление об этой группе памятников и обосновать их принадлежность единому художественному кругу (мастерской)⁴. В своем исследовании Н. Тьерри затронула ряд новых аспектов и сделала интересные наблюдения. Казалось, что поставленная Тьерри проблема должна была всерьез заинтересовать армянских и грузинских ученых. Однако в работах арменоведов данное исследование не получило отклика, что отчасти было связано с тем, что вышедшие за рубежом статьи подчас были недоступны для советских ученых. В кругах же грузинских исследователей теория Н. Тьерри вызвала резкую критику⁵. Несмотря на это, исследование Н. Тьерри заслуживает внимания, ибо дает очень многое в контексте изучения культуры и искусства двух соседних стран – Армении и Грузии. После выхода статьи прошло два десятилетия. За истекший период были опубликованы и вошли в научный оборот новые памятники, значительно пополнились наши знания о стелах, поэтому считаем необходимым продолжить разговор вокруг интересной проблемы, поставленной Н. Тьерри.

Каменные стелы Армении и Грузии имеют много общих черт. Они возводились под открытым небом, рядом с церквями и были предназначены для кругового обозрения. Стелы, как правило, сделаны из цельного куска камня, четырехгранные, воздвигнуты на ступенчатом основании⁶, имеют так называемую базу, ствол и капитель и венчаются, как это можно заключить из углублений внутри капителей, свободным крестом. Стелы ориентированы по сторонам света: как правило, две грани чуть шире и направлены на запад и восток, что отчетливо видно на

³ **Thierry N.** *Essai de Définition d'un Atelier de sculpture du Haut Moyen-Age en Gogarène (Revue des Etudes Géorgiennes et Caucasiennes, 1985, N 1).*

⁴ *Стелы, происходящие из Армении и Грузии, Н. Тьерри делит на две группы, условно называя их “северной” (Гогаран) и “южной” (Ширак). См: Thierry N., Essai de Définition ..., p. 191-192.*

⁵ *По мнению К. Мачабели, “раннехристианские стелы должны рассматриваться лишь как возникшие на древнейших национальных корнях памятники грузинского искусства” (Мачабели К., Каменные кресты Грузии, Тбилиси, 1998, с. 345).*

⁶ *Это хорошо видно на стелах из Армении, так как в большинстве своем они сохранились на своих местах, в то время как в Грузии, в основном, все памятники перевезены в музей (Музей истории и Музей искусств Грузии).*

которые еще находятся на своих первоначальных местах (Одзун). Именно эти стороны – западная и восточная – наиболее разработаны и украшены разнообразными рельефными изображениями. Обязательным элементом являются декоративные и символические мотивы, которые дополняют сюжетные композиции и покрывают в основном боковые – северную и южную стороны.

Датировка каменных стел имеет обобщенный характер. Армянские исследователи датируют их V-VII веками⁷, грузинские – VI-VII веками, а отдельные образцы – более поздним временем – VIII-IX вв.⁸. В целом, исследователи единодушны в том, что временем появления этих памятников был период до арабских завоеваний. Об этом свидетельствуют и сообщения армянского историка VIII в. Левонда, рассказывающего о том, как арабы уничтожали “каменные столпы”⁹. После освобождения закавказских территорий от арабов каменные стелы больше не возводились.

Большое количество обнаруженных стел говорит о том, что в определенный период времени они были очень популярны. На территории исторической Армении каменные стелы известны в основном в двух областях. Один из них – “Айрарат ашхар”, центральный регион Армении, и в частности один из его гава-ров – Ширак, являющийся вотчиной князей Камсараканов. Другой регион – Гугарк, северная область Армении, примыкающая с одной стороны к Айрарату и другим областям, а с севера граничащая с Грузией. На территории же Грузии каменные стелы известны в Картли¹⁰ (Квемо Картли и Шида Картли) и Джавахке (Самцхе-Джавахеги), то есть в юго-восточном регионе, непосредственно примыкающем к северной и северо-западной части Армении. Основным положением, выдвинутым Н. Тьерри, явилось то, что известные на территории Гугарка и Картли

⁷ Ազարյան Լ., *Վաղ միջնադարյան հայկական քարե արձանագրությունները*, Ե., 1975, էջ 83: Мы же предполагаем, что временем возникновения и распространения данных памятников является VII в. См: Հակոբյան Ջ., *Հայկական քարե արձանագրությունների թվագրման հարցի շուրջ* (Երիտասարդ հայ արվեստագիտական զինված խմբի նստաշրջան, Ե., 2005):

⁸ Чубинашвили Н., *Хандиси*, Тбилиси, 1972, с. 6-7.

⁹ Ղևնիք, *Պատմություն (թարգմ., ներածութ. և ծանոթ. Ա. Տեր-Ղևնիքյանի)*, Ե., 1982, էջ 86:

¹⁰ Историческая область в Восточной Грузии – Картли – в античных и византийских источниках называлась Иберией.

стелы очень близки по многим своим чертам и территориально образуют единый регион¹¹.

Упомянутые выше армянские стелы из Ширака и Гугарка образуют две самостоятельные группы, и не только по территориальному их расположению. При всей общности композиционного построения и характера рельефных изображений ширакские стелы, как правило, выделяются рядом черт¹². Они небольшие по высоте (до 2 м.), выдержаны в одинаковом масштабе, рельефные изображения крупные и не разделены на отдельные фрагменты, как это можно видеть на стелах Гугарка и Картли, имеют характерные для них декоративные элементы: полуколонны на углах, большие пальметты и др.¹³. Кроме того, ширакские стелы высечены в основном из твердого камня – из базальта, иногда из туфа (крупнозернистого), что и определяет характер пластической обработки рельефов: поверхность не разделена на сегменты, рельефные изображения крупные, значительно обобщены, без дополнительных, мелких деталей.

Стелы же из Гугарка и Картли, несмотря на то, что разные по своим размерам (разномасштабные), выявляют абсолютную близость как по композиционному и декоративному решению, так и в целом по художественной интерпретации. Материал, который использовался для стел Гугарка и Картли, более мягкий. Это, как правило, фельзитный туф или песчаник. Данное обстоятельство имеет важное значение, так как объясняет сравнительно более пластическую, тщательную обработку поверхности камня. Этим же обусловлена возможность включения в изобразительный цикл стел множества композиций и использование богатой орнаментики. Поэтому художественный образ стел Гугарка и Картли заметно отличается от ширакских и дает возможность видеть общую среду их происхождения. Сравним два очень известных памятника: Одзунский монумент¹⁴ и стелу из Хандиси¹⁵. Памят-

¹¹ **Thierry N.**, *Essai de Définition d'un Atelier...*, p. 170.

¹² Часть исторического Ширака находится на территории Турции, где также обнаружены стелы, иконографически полностью соответствующие ширакской группе. См: **Thierry N. et M.**, *Quelques Monuments Chrétiens du Vilayet de Kars (REArm. 1971 t. T. VIII, p. 197-199, fig. 14, 15, 17-19)*.

¹³ Углы столбов обработаны в виде объемных полуколонн, а изображения фланкируются сверху и снизу парой стилизованных пальмовых веточек.

¹⁴ Одзунский памятник примечателен тем, что, во-первых, находится на своем первоначальном месте, кроме того, здесь возведены парные стелы, включенные в архитектурное обрамление, что является единственным примером.

¹⁵ **Чубинашвили Н.**, указ. соч., ил. 1-10.

ники имеют столбообразную форму со скошенными углами и несколько сужаются к нижней части. В верхней, широкой части выделена так называемая “капитель”, которая завершается моделью архитектурного сооружения¹⁶. Сразу же бросается в глаза совершенно идентичное в своем решении декоративное убранство обеих стел. Обработка поверхности подчинена четкой декоративной системе: углы скошены и украшены геометрическим орнаментом – треугольниками, чередованием вертикальных и горизонтальных полос, “чешуйчатым” орнаментом; по краям граней проходят витые рельефные жгуты, одновременно служащие декоративным обрамлением отдельных сцен. Схожими геометрическими мотивами декорирована и архитектурная модель, венчающая стелы (арочки, треугольники, “чешуйки” и др.). Интересны и боковые (северная и южная) грани, украшенные идентичными орнаментальными мотивами. Один из них представляет цепочку из концентрических кругов, совершенно одинаковых как на Одзунской, так и Хандисской стелах. Другой очень популярный орнамент – это мотив виноградной лозы, где форма листка, виноградной грозди, усиков и цветка лилии повторяются с абсолютной точностью¹⁷. Н. Чубинашвили совершенно справедливо сближает орнамент виноградной лозы Хандиси с другой грузинской стелой Натлисмцемели, исходя из характера декоративных элементов и техники исполнения¹⁸. Такую параллель можно провести не только между стелами из Хандиси и Натлисмцемели, но и Одзуном. Кроме уже отмеченных выше декоративных мотивов, одна из сторон стелы Натлисмцемели заполнена образующей ромбы рельефной “сеткой”¹⁹, повторяющей такой же мотив на Одзунской стеле (южная стела). Если исходить из элементов и характера декоративного убранства, то к памятникам из Одзуна и Хандиси примыкает еще ряд стел, образующих единую группу. Это уже упомянутая стела Натлисмцемели, стела из Катаула, а также фрагменты стел из Дманиси, Давати, Башкичети,

¹⁶ О символическом значении декоративных элементов стел. См: **Мачабели К.**, указ. соч., с. 57-58.

¹⁷ Мотив виноградной лозы, будучи очень популярным в раннехристианском искусстве как Армении, так и Грузии, имеет множество разновидностей пластического решения, в данном случае и композиция, и рисунок совершенно идентичны. Вызывает затруднение лишь то, что в Хандиси композиция прерывается из-за фрагментарности памятника.

¹⁸ **Чубинашвили Н.**, указ. соч., с. 23.

¹⁹ Там же, ил. 67.

Ламази Гора и несколько фрагментов из Болниси²⁰, – все из Грузии²¹. На территории Армении, кроме Одзуна, этот ряд дополняют стелы из Когеса, Ардви²², а также фрагмент, хранящийся в церкви Одзуна²³.

Вышеотмеченная группа выделяется как близкой иконографической программой, так и стилистикой рельефов. Так как часть этих стел дошла фрагментарно, мы сравним изобразительный ряд наиболее цельных памятников. Самые известные композиции – это Восседающий на троне Христос на капители Хандиси и следующее за ним изображение сидящей Богоматери с младенцем. Такие же композиции имеются на Одзунской стеле: Христос на троне, возглавляющий ряд апостолов, и Богоматерь с младенцем, предвещающая цикл евангельских сцен²⁴. И на Хандисской, и на Одзунской стелах можно видеть изображения христианских святых или подвижников, с нимбами и крестами (знаком мученичества) в руках²⁵. На Одзунской стеле (южная стела) кроме святых образов представлены и донаторы без нимбов, с поднятыми в моленной позе руками. Такой же донаторский ряд имеется на стеле из Катаула, где представлены еще и парные изображения апостолов, композиционно повторяющие соответствующие изображения на Одзунской стеле²⁶. Этот сравнительный ряд можно продолжить. Однако более чем очевидно, что мастера, создававшие эти памятники, имели общую художественную среду.

Язык художественной интерпретации четырехгранных стел Гугарка и Картли отличается лаконичностью и подчеркнутой вы-

²⁰ Там же, ил. 45, 63-67, 76-78; Джавахишвили Г. А., *Грузинские стелы ранне-феодалного периода*, Тбилиси, 1998, таб. IX, XII, XVII, XXXIX, LXXXIII-LXXXVI, XCV; Ազարյան Լ., указ. соч., рис. 74-75, 76-77, 78-79.

²¹ Выделяя ряд одинаковых декоративных элементов на группе стел из Грузии, К Мачабели хотя и считает, что это является признаком одной художественной мастерской, но, с другой стороны, не соглашается с подобным определением Н. Тьерри относительно армянских и грузинских стел. См: Мачабели К., указ. соч., с. 85.

²² Сагумян С. Т., *Мемориальные памятники Гугарка*, Е., 1980, ил. 6, 7, 12.

²³ Фрагмент, хранящийся внутри Одзунского храма, представляет архитектурную модель, известную по стеле из Хандиси, по размерам и по декоративному убранству он идентичен хандисскому памятнику.

²⁴ Данные фрагменты на Одзунской стеле сохранились хуже.

²⁵ Мачабели К., указ. соч., с. 49-56; Հախըրյան Ջ., указ. соч., с. 79-83.

²⁶ Хотя и стела из Хандиси сохранилась фрагментарно (верхняя половина), но можно допустить наличие подобных изображений и на этом памятнике.

разительностью, фигуры трактованы обобщенно, представлены во фронтальных позах. Фигуры выполнены в низком рельефе, очерчены выразительным контуром и имеют декоративно-плоскостное решение. Моделировка одеяний дана вертикальными, горизонтальными, а также округлыми и волнообразными бороздками, формирующими драпировки. Драпировка, хоть и сильно стилизована (драпировка не подчеркивает строение фигуры, а как бы дает его обобщенную форму), но выполнена очень четко, линии ровные и выразительные²⁷. Создается впечатление, что такой принцип трактовки имитирует технику живописи.

Все фигуры, в особенности лики, трактованы по общей типологии: короткие волосы в виде пышного парика, широкое лицо с чуть удлинненным и тяжеловатым подбородком, крупные, широко раскрытые глаза. Особенно выделяются лики. Выразительные глаза проработаны двойными смыкающимися дугообразными линиями, а зрачки отмечены кружочками. Еле заметная, тонкая линия рта у всех фигур направлена книзу. Сравнительно объемно выделяются широкие дуги бровей, которые, соединяясь на переносице, плавно переходят в линию носа и завершаются на кончике характерным «ромбиком». Вышеописанные детали настолько точно повторяются в моделировке ликов на стелах Одзуна и Хандиси, что можно говорить об устоявшейся традиции, или каноне в пределах одной мастерской. Именно на эти особенности обратила внимание Н. Тьерри²⁸.

Изучив определенное количество стел на местах, мы пришли к заключению, что относительно памятников исторического Гугарка и Картли можно говорить, скорее всего, о деятельности нескольких мастерских в пределах общей художественной школы. Исходя из ряда особенностей, мы считаем возможным выделить среди гугаркских не только группу Одзун-Хандиси, но и другую, которую мы условно называем Брдадзорской²⁹. В эту группу входят стелы и фрагменты стел из

Брдадзора, Кохба, Бол-

²⁷ Сравнивая характер моделировки одеяний на стеле Хандиси и близких к ней образцов из Грузии, а также учитывая конкретный отрезок времени, которым они датированы (VI - первая половина VII в.), Н. Чубинашвили выдвигает предположение, что эти стелы принадлежат одной мастерской. См: **Чубинашвили Н.**, указ. соч., с. 21.

²⁸ **Thierry N.**, *Essai de Définition ...*, p.175-176, 180-184.

²⁹ Эту группу стел называем Брдадзорской, так как из одноименной местности происходят две почти целиком сохранившиеся стелы, а также несколько крупных фрагментов с определенным набором декоративных и изобразительных элементов.

ниси, Сацхениси, Хожорни, Цверо-Дабали, Жалети и т. д.³⁰. Стелы типа Брдадзорской, как правило, крупных размеров (высота от 2-х до 4-х м), они отличаются принципом художественной трактовки и характерной для них иконографической программой.

Углы стел Брдадзорской группы выделены в виде полуколонн, а известные витые жгуты превращены в елочный (плоскостный) орнамент. Одна из граней в обязательном порядке украшена сплошным, проходящим по всей высоте орнаментом в виде стилизованной пальмовой ветки (часто это парные, идущие параллельно ветки) или крупные листья аканфа, направленные поочередно в разные стороны. Кроме этого характерного мотива, имеется ряд других декоративных элементов, присущих данной группе стел, например, так называемый лабарум или сложная плетенка из колец и ромбиков и т. д. Другой характерной особенностью Брдадзорской группы является подчеркнутая стилизация фигурных изображений. С первого взгляда кажется, что фигуры, представленные на стелах типа Брдадзорской, по своей трактовке близки к изображениям Хандиси и Одзуна³¹. Однако при детальном сравнении становится ясно, что на стелах Брдадзорской группы фигуры сильно обобщены, трактовка ликов заметно огрублена, пропорции искажены и укорочены, в проработке одеяний отсутствуют дополнительные элементы, все лаконично и доведено до минимализма. Здесь налицо несколько иное художественное видение, более упрощенное, однако примечательно то, что такое упрощение присуще только фигурам и сюжетным изображениям. В отличие от сюжетных композиций, декоративные элементы на стелах Брдадзорской группы выполнены верной и уверенной рукой, достаточно пластичны, с тщательной проработкой деталей орнамента, так что декор отчетливо виден с большого расстояния. Поэтому стелы выглядят очень нарядно. К. Мачабели так охарактеризовала мотив пальмовой ветки, или аканфа на малой стеле из Брдадзора: “этот пластический мотив, очень выразительный и живописный, хорошо стелящийся по поверхности камня, создавая богатые светотеневые модуляции.... по своей пластической выразительности, по характеру

³⁰ Чубинашвили Н., указ. соч., ил. 37-39, 55-56, 60; Джавахишвили Г. А., указ. соч., таб. I-IV, VII, XXIII, XXIX, XL, XLIII, L, LIII, LXXII-LXXVII, LXXIX, LXXXII, XCI-XCIII; Уцаврцян Л., указ. соч., рис. 74-75, 76-77, 78-79.

³¹ Уцаврцян Л., *Օձնի՛ի և Բրձաձորի կոթողները* (Պատմա-բանասիրական հանդես, N 4 (31), 1965):

резьбы сближается с листьями процветшего креста на фасаде храма Джвари Мцхетского³². Эта очень точная характеристика пластических особенностей данного орнамента, ставшего своеобразным “штампом” Брдадзорской группы, как символически, так и стилистически. Чрезмерную стилизацию фигур на Брдадзорской группе можно рассматривать как своего рода художественный прием, где все подчиняется декоративному мышлению, где и фигуры мыслятся как некие декоративные мотивы, подчиняясь символике орнамента. Такой художественный прием, очень восточный по своей сути, нашедший применение в ряде армянских и грузинских стел, позволяет сгруппировать памятники в пределах одной художественной мастерской.

Исходя из вышеотмеченного, считаем правомерным говорить о наличии не одного, а нескольких мастерских в пределах общей художественной школы³³. Такое предположение подтверждается разнообразием художественной интерпретации памятников и объясняется как чрезвычайной популярностью и распространенностью каменных стел в данном регионе, так и возведением их на территориях, принадлежащих разным княжеским домам. То, что стелы из Ширака совершенно четко объединяются в один художественный круг, объясняется тем, что этот район был единым в административном и территориальном отношении, он принадлежал княжескому дому Камсараканов, которые являлись основными заказчиками и инициаторами возведения таких памятников. Другой регион, куда входят стелы исторического Гугарка и Картли, определяемый Н. Тьерри как Гогаран, неоднороден по этническому составу, а его политические границы нестабильны. Именно этим и обусловлены, с одной стороны, идейная и композиционная общность многих памятников Закавказья, а с другой – различие в декоративном и художественном решении последних.

Территория исторического Гугарка, или Гогарана³⁴, занимала большую часть северной Армении³⁵. О Гугарке есть упоминания

³² Мачабели К., указ. соч., с. 117.

³³ Такое предположение подкрепляется тем, что грузинскими исследователями по сути выделяется еще одна группа стел, где изображения предельно упрощены, переданы схематичным способом, без выделения объема (Гвелдеси, Усанети). Как правило, такие стелы считаются поздними и датируются VIII-IX вв.

³⁴ Название области имеет этническое происхождение. См: Հայաստանի և հարևան շրջանների տեղանունները բնագրով, հ. 1, Ե., 1986, էջ 967:

³⁵ Atlas Historique de l'Arménie, Paris, 2001, p. 13.

как в иноязычных³⁶, так и в грузинских³⁷ и армянских источниках. Один из них “Ашхарацуйц”³⁸ – памятник географии и картографии древней Армении. Согласно Ашхарацуйцу и другим источникам, Гугарк являлся одним из пограничных областей (*բրեշխութիւն*) царей Аршакуни и был разделен на шестнадцать гаваров³⁹. Исторически складывалось так, что политические границы Гугарка часто менялись. Так, по разделу 387 г. между Римской империей и Персией область Гугарк отошла Грузии⁴⁰, а в 652 году, согласно армяно-арабскому договору, воссоединилась с Арменией. В VII в. Гугарк занимал территории южного бассейна Куры, простираясь между реками Храм(и) и Дебед, и непосредственно примыкал к грузинской территории Картли. Так как Гугарк был пограничной областью, то в этническом отношении он был неоднородным и, согласно тем же источникам, с преобладанием армянского населения⁴¹. После арабского господства в IX в. большая часть Гугарка отошла к грузинской ветви князей Багратуни (Багратиды), а его восточные гавары – к армянской⁴².

Таким образом, очевидно, что интересующие нас территории Гугарка и Картли, являясь сопредельными областями, постоянно находились в тесном взаимодействии, и независимо от изменений административных границ фактически их развитие шло в едином русле. Это видно по многим проявлениям, но особенно наглядно по памятникам материальной культуры.

³⁶ **Страбон**, *География* (перев., коммент. Г.А. Стратановского), М., 1964, с. 466-468, 497-498.

³⁷ **Մելիքսեփ-Բեկ Դ. Լ.**, *Վրաց արքայությունը Հայաստանի և հայերի մասին*, հ. 1, Ե., 1934, էջ 10, 12-15:

³⁸ Автором “Ашхарацуйца” считается мыслитель VII в. Анания Ширакаци. “Ашхарацуйц” основан на “Географии” Клавдия Птолемея, содержит сведения о материках, странах, о населяющих их народах и т. д. Однако основная часть труда посвящена странам Передней Азии, в частности, Армении и ее соседям. См: **Երեմյան Ս. Ս.**, *Հայաստանի քաղաքացիական պատմությունը «Աշխարհացույցի»*, Ե., 1963:

³⁹ Это: Дзорapor, Кол (х)бапор, Цопапор, Ташир, Трэчк, Кангарк, Артаан, Джавахк, Кларчк, Бол(х)напор, Шавшет, Манглеацпор, Куишапор, Ханцихе и Паруар. См: **Երեմյան Ս. Ս.**, указ. соч., с. 48.

⁴⁰ Уже в 338-363 гг. семь гаваров Гугарка вошли в состав грузинских земель: Бол(х)напор, Шавшет, Джавахк, Манглеацпор, Куишапор, Ханцихе, Паруар. См: *Հայաստանի և հայերի պատմությունը...*, էջ 967:

⁴¹ **Страбон**, указ. соч., с. 493-495, 499-501; **Երեմյան Ս. Ս.**, указ. соч., с. 89-90.

⁴² В 969-70 гг. сын Ашота III Милостивого Гурген, или Кюрике, в восточной части исторического Гугарка восстановил Гугаркское армянское царство с центром в Шамшудде (Самшвилде).

О существовании единой культурной среды, в пределах которой возникли стелы Гугарка и Картли⁴³, говорят также надписи на грузинском или на армянском языках. Хотя они достаточно редки на стелах, но все же известны⁴⁴. Так, посвятельная грузинская надпись на стеле Натлисмцемели гласит: “Этот крест я, Марвуво, воздвиг в молении (так в тексте – А. З.) моего и жены, и детей”⁴⁵. Армянскими письменами снабжена стела из Брдадзора, послужившая поводом для споров.

По краю южной грани малой стелы из Брдадзора вертикально расположена надпись, в которой сообщаются имена, по всей вероятности, заказчиков памятника⁴⁶. В желании выявить грузинское происхождение малой стелы из Брдадзора Н. Чубинашвили без каких-либо оснований утверждает, что “в начале 30-х годов XIX в. здесь (в Брдадзоре - *З.А.*) поселились армяне, тогда же по правому борту южного фасада стелы была приписана армянская надпись”⁴⁷. Нужно отметить, что малая, а также большая стелы и отдельные фрагменты из Брдадзора были обнаружены грузинскими учеными во время экспедиции 1956-58 гг. (тогда же памятники были перевезены в Музей искусств Грузии)⁴⁸. Однако данные памятники вошли в научный оборот еще раньше, сначала в работах Й. Стржиговского, а позже – Г. Овсепяна. Стелы из Брдадзора и других поселений были описаны и исследованы Г.

⁴³ Большая часть исторического Гугарка сегодня известна как Квемо Картли (Нижний Картли), а примыкающая к ней территория исторического Картли – Шида Картли (Внутренний Картли).

⁴⁴ Грузинские надписи есть на стелах: Пантани (база), Цроми, Катаула, Натлисмцемели, армянские надписи: малая стела из Брдадзора, два фрагмента из Гегамских гор. См: Чубинашвили Н., указ. соч., с. 54, 80-81, 91, 102-103; Уқарјшн Л., *Оძპიის ზე მდინარის სანაპიროსადაც, ლგ 216*, *ჯახიშვილი უ. ა., 7-րդ դարის სანაპიროსადაც* (*ფეტიშვილ უკუნიკის* (*ფეტიშვილი*, 1974, N 7-8, ლგ 76-77):

⁴⁵ Чубинашвили Н., указ. соч., с. 90.

⁴⁶ Армянская надпись на малой стеле из Брдадзора была прочтена Л. Азаряном. См: Уқარјшн Л., *Оძპიის ზე მდინარის...*, ლგ 216: Надписи хорошо видны на старых фотографиях. См: Уқარјшн Л., *ისჯ. შჯი., ისჯ. 19-21*; Джавахишвили Г. А., указ. соч., таб. LXXVI.

⁴⁷ Чубинашвили Н., указ. соч., с. 71. Отметим, что Брдадзор был издревле армянским поселением, о котором есть упоминания в источниках. Брдадзор, а также прилегающие к нему армянские села Хожорни, Цоб и др., сохранили свои исторические (этнические) топонимы (дзор по-армянски означает ущелье) и население. Сегодня эти поселения находятся в грузинском административном районе Марнеули, непосредственно располагаясь у армяно-грузинской границы.

⁴⁸ Мачабели К., указ. соч., с. 87.

Овсепяном, издавшим свой научный очерк в 1944г. в Нью-Йорке⁴⁹. Работа армянского исследователя ценна тем, что здесь дается детальное описание памятников, а текст сопровождается фотографиями, сделанными на местах.

Общность в разных областях жизнедеятельности двух соседних стран – Армении и Грузии, – особенно в раннехристианский период, была характерна не только для пограничных областей, таких как Гугарк и Тайк, но для этих стран в целом. Это было обусловлено всем ходом исторического и культурного развития, особенно в раннехристианский период. Известно, что первые проповедники христианства в Восточную Грузию пришли со стороны Армении: св. Нино (Нунэ), одна из “каппадокийских дев”, прибыла из Вагаршапата⁵⁰; стараниями Маштоца были созданы армянский и грузинский алфавиты⁵¹; значительное количество древнейших грузинских переводов было осуществлено с армянских редакций⁵². Примечательно также, что до начала VII в. восточно-грузинские и албанские епархии находились в структуре Армянской церкви⁵³, а имевший место армяно-грузинский церковный разрыв 608/9 г. носил несколько формальный характер⁵⁴. И только на Маназкертском (Манцикертском) Соборе 726 г. произошел окончательный разрыв Армянской и Грузинской церквей⁵⁵, который, впрочем, не помешал тесным связям на протяжении всего средневековья.

Ярким проявлением армяно-грузинской культурной общности является раннехристианское зодчество этих стран. В специальной литературе данный аспект очень часто становился объектом

⁴⁹ Հովսեփեան Գ., Գերեզմանական հին կոթողները եւ նրանց հնագիտական արժեքը հայ արուեստի պատմութեան համար (Նյու-Յորք եւ ռուսական արխիւներ հայ արուեստի եւ մշակութային պատմութեան, Նիւ-Յորք, 1944, էջ 47-130):

⁵⁰ Об этом говорится в “Обращении Картли”. См: **Мурадян П. М.**, Кавказский культурный мир и Армения (Պատմա-բանասիրական հանդես, 1996, N 1-2, էջ 134).

⁵¹ **Корюн**, “Житие Маштоца” (перевод М. Смбабяна и К. Мелик-Оганджяна), Е., 1980, с. 209.

⁵² Первые исследования по данному вопросу, принадлежащие Н. Я. Марру, нашли свое подтверждение в работах грузинских и армянских исследователей. См: **Սուրաշյան Պ. Մ.**, Հովհաննեսի մշակութային աշխարհը և Հայաստանը. Armeno-Georgica (Պատմա-բանասիրական հանդես, 1996, N 1-2, էջ 127-132 (նաև նոր գրականությունը այս հարցի շուրջ):

⁵³ Православная Энциклопедия, т. 3, М., 2001, с. 322-333.

⁵⁴ Это обстоятельство почти единогласно подтверждается рядом исследователей, кроме того об этом свидетельствуют как источники, так и памятники культуры. См: **Кекелидзе К. С.**, История грузинской литературы, Тбилиси, 1960, т. 1, с. 47-48, 322 (на груз. яз.).

⁵⁵ **Адонц Н.**, Армения в эпоху Юстиниана, Е., 1971, с. 338, 343-344, 358-359.

научных разысканий⁵⁶. Примечательно, что в конце VI и в первой половине VII вв. именно на территории Закавказья возникает совершенно новый тип храма – тетраконх с угловыми нишами, известный как тип Рипсимэ-Джвари, не имеющий аналогов в восточнохристианской архитектуре⁵⁷. О такой культурной общности свидетельствуют двуязычные надписи на известных храмах VII в., таких как Джвари и Атени. Известен постамент мцхетского креста-реликвария из Джвари с ктиторской посвячительной надписью, идущей параллельно на двух языках – грузинском и армянском⁵⁸. На Атенском Сионе сохранилась строительная надпись Тодосака на армянском языке⁵⁹, а также надписи на ктиторских рельефах храма⁶⁰⁻⁶¹. Что касается Мцхеты и Атени, то здесь не приходится говорить о существовании большой армянской колонии, хотя известно о факте проживания армян вообще. Следовательно, скорее всего, причины, побудив-

⁵⁶ Чубинашвили Г. Н., *Разыскания по армянской архитектуре*, Тбилиси, 1967; Якобсон А. Л., *Взаимоотношения и взаимосвязи армянского и грузинского средневекового зодчества* (Советская археология, 1970, N 4); Высоцкий А., *Локальные особенности раннесредневековой архитектуры стран Закавказья* (Международный симпозиум по грузинскому искусству, Тбилиси, 1977 (отдельный оттиск); Халпахчян О. Х., *Общность путей развития раннефеодального зодчества Армении и Грузии* (IV Международный симпозиум по грузинскому искусству, Тбилиси, 1983); Казарян А. Ю., *Генезис тетраконхов с угловыми нишами в Закавказье* (Автореферат кандидатской диссертации, М., 1991); **его же:** *Архитектура стран Закавказья VII в.: формирование и развитие традиции* (Автореферат докторской диссертации, М., 2007 и др.).

⁵⁷ Казарян А. Ю., *указ. соч.*, с. 22.

⁵⁸ Постамент хранится в Музее истории Грузии, инв. N 154. См: Чубинашвили Г. Н., *Памятники типа Джвари*, Тбилиси, 1948, с. 83-84; Мурадян П. М., *Армянская эпиграфика Грузии: Картли и Кахети*, Е., 1985, с. 19-23.

⁵⁹ Строительная надпись Атени размещена в восточной нише южного фасада, в третьем ряду снизу. Хотя надпись крайне плохой сохранности, но она прочтена и переведена многими учеными, в том числе М. Броссе, А. Муравьевым, И. Джавахишвили, И. Орбели, П. Мурадяном. См: Мурадян П. М., *указ. соч.*, с. 93 (там же вся библиография по этому вопросу).

⁶⁰ Ктиторские рельефы Атени занимают восточные и южные фасады, которые расположены у края обрыва и затруднены для обзора. См: Thierry J. M., Donabédian P., *Les Arts Arméniens*, Paris, 1987, fig. 22-24, 229-23; Аладшвили Н. А., *Монументальная скульптура Грузии. Сюжетные рельефы V-XI вв.*, М., 1977, ил. 47.

⁶¹ Свидетельством продолжающихся тесных армяно-грузинских связей являются и фрески Атенского Сиона, датированные началом X в., где представлены ктитория с соответствующими надписями: абхазский царь Константин с сыном, а также армянский царь Сумбат с сыном и дочерью. См: Амиранашвили Ш. Я., *История грузинской монументальной живописи*, т. 1, Тбилиси, 1957, с. 94-96.

шие ктиторов сделать двуязычные надписи, – это религиозная и культурная общность⁶². Исходя из исторического контекста стран восточнохристианского мира, а особенно Грузии и Армении, многие исследователи совершенно справедливо отмечают, что для средневекового человека именно религиозная, а не национальная принадлежность являлась определяющей⁶³.

Возвращаясь к четырехгранным стелам, отметим, что до сих пор армянские и грузинские ученые в своих исследованиях, как правило, стремились выявить национальные корни этой группы памятников. Однако, как было показано выше, четырехгранные стелы на территории Армении и Грузии выявляют такое единство художественного и символического замысла, что говорить о сугубо национальных корнях этих памятников с научной точки зрения не совсем корректно. Выявляя особенности раннесредневековой архитектуры Армении и Грузии, А. Высоцкий характеризует развитие зодчества этого региона как “локальное”, а не как “национальное”, ибо, как отмечает автор, “невозможно говорить об этническом самосознании в раннем средневековье, а также его отражении в архитектуре”⁶⁴. Пользуясь формулировкой А. Высоцкого, можно утверждать, что как для раннесредневековых храмов Закавказья, так и для каменных стел приемлемо лишь определение локального, а не узко национального развития.

Подытоживая наш материал, хочется обратить внимание еще на один аспект исследуемых памятников, являющийся, впрочем, темой для отдельной работы. Как было отмечено выше, после арабского владычества четырехгранные стелы больше не возводились, однако традиция возведения свободно стоящих памятников на территории Закавказья не исчезает, а получает свое логическое продолжение в искусстве хачкаров (с конца IX в). То, что хачкары основными чертами восходят к традици-

⁶² В Армении на памятниках северных регионов также имеются двуязычные надписи. Однако в отличие от армянских надписей Грузии грузинские надписи Армении более поздние, датируются IX-XIV вв. и отражают еще одну грань армяно-грузинской общности, связанную с православной культурной традицией (халкидонитской). См: Մարտիրոսի Պ. Մ., Հայաստանի և Գեորգիայի քրիստոնեական կապերը, Ե., 1977.

⁶³ Высоцкий А., указ. соч., с. 3-4; Мурадян П. М., указ. соч., с. 25; Арутюнова-Фиданян В. А., Армяно-византийская контактная зона (X-XI вв.). Результаты взаимовлияния культур, М., 1994, с. 58.

⁶⁴ Высоцкий А., указ. соч., с. 2, 9.

ям четырехгранных стел, отмечено рядом исследователей⁶⁵. Генетическая связь хачкара и стелы проявляется в ряде характерных особенностей: хачкар, как и стела, имеет четкую ориентацию по сторонам света (запад-восток), является свобод- но стоящим памятником, всегда ставится на открытой местности, рядом или у входа в церковь, но никогда внутри нее, хачкар вставляется в каменное основание – базу, часто возвышающуюся на ступенчатом основании. В отличие от стелы, хачкар украшен только с одной стороны – западной – и, соответственно, представляет не четырехгранный, а плоский блок камня. Основным мотивом украшения хачкара становится крест, который иконографически восходит к изображению христианского символа на четырехгранных стелах. Так же важно отметить, что ранние хачкары имели узкую, вытянутую по вертикали форму и были достаточно внушительных размеров (высота до 2 м), но в то же время и в период зрелого средневековья отдельные хачкары повторяли форму и размеры каменных стел⁶⁶. И сегодня четырехгранные стелы являются украшением современного городского ансамбля Еревана.

**ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԵՎ ՎՐԱՍՏԱՆԻ ԿՈԹՈՂԱԵՐԸ. ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ
ԸՆԴՀԱՆՐՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՅԸ ՎԱՂՔՐԻՍՏՈՆԵԱԿԱՆ ՇՐՋԱՆՈՒՄ**

ՀԱԿՈՒՅԱՆ Զ. Ա.

Ամփոփում

Պատմական Հայաստանի և Վրաստանի տարածքում վաղքրիստոնեական քանդակի զարգացումը ի հայտ է բերում շատ ընդհանրություններ: Այստեղ պահպանված ազատ կանգնած հուշարձանները՝ քանդակազարդ կոթողները, թվագրվում են VI-VII դարերով: Ֆրանսիացի գիտնական Ն. Թիերին առաջինը ուշադրություն դարձրեց այս խնդրին՝ խոսելով Գոգարանի քանդակագործական դպրոցի մասին: Գուգարքի և Քարթլիի կոթողները նույնանուն են հորինվածքային և դեկորատիվ լուծումներով,

⁶⁵ **Азарян Л. Р.**, *Армянские хачкары*, Е., 1975; **Мнацаканян С. С.**, *Иконографические и типологические аспекты анализа ранних хачкаров (IV международный симпозиум по армянскому искусству*, Е., 1985); **Якобсон А. Л.**, *Армянские хачкары*, Е., 1986; **Richardson H.**, *Observations on Christian Art...*; **Պետրոսյան Հ. Լ.**, *Խաչքարերի ծագումը, գործառույթը, իմաստաբանությունը (պատմա-հնագիտական ուսումնասիրություն)*, պատմական գիտությունների դոկտորի գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության սեղմագիր, Ե., 2004.

⁶⁶ *Например, два хачкара 1194 г. (выс. 6м), ныне на территории Турции, а также хачкар 1261г. из Шинуайра (выс. до 4 м). См: Thierry J. M., Donabédian P., Les Arts Arméniens..., fig. 106.*

ինչպես նաև գեղարվեստական և պատկերագրական մեկնաբանությամբ. դրա լավագույն օրինակներն են Օձունի և Խանդիսիի կոթողները: Միննույն ժամանակ, հնարավոր է Գոգարանի դպրոցի շրջանակում տարանջատել մի քանի արհեստանոցներ՝ համաձայն պատկերագրական և դեկորատիվ որոշակի առանձնահատկությունների: Օձուն-Խանդիսիից բացի կարելի է առանձնացնել նաև Բրդաձորի խումբը: Միչև այժմ հայ և վրացի գիտնականները փորձել են ցույց տալ այս հուշարձանների զուտ ազգային ակունքները: Սակայն այս երկու հարևան երկրներում կոթողներն ունեն գեղարվեստական և խորհրդարանական մտահաղացման այնպիսի ընդհանրություններ, որ գիտականորեն ավելի ճիշտ կլիներ խոսել վերջիններիս տեղային, այլ ոչ թե ազգային առանձնահատկությունների մասին: